

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В журнале «Советская этнография», № 1 за 1961 г. была помещена рецензия на большую монографию Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.». Рецензент, И. С. Гурвич, один из соавторов этого письма, подробно проанализировал работу Б. О. Долгих и пришел к выводу о том, что ему удалось осуществить большое историко-этнографическое исследование — установить этнический состав и этнографическую структуру, численность и расселение коренного населения Сибири в XVII в. в период включения ее в состав Русского государства. Разбор книги показал, что Б. О. Долгих ввел в научный оборот значительный и новый фактический материал. Реконструкция карты расселения народов Сибири в XVII в. во многом объяснила их последующую историю и дала возможность с большей долей достоверности углубиться в древнюю историю Сибири.

В рецензии указывалось и на то, что не все сопоставления групп населения XVII в. с группами XIX в. достаточно обоснованы, отмечались отдельные неточности, неизбежные в каждой большой работе. Книга «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» в целом была оценена как один из наиболее значительных вкладов в изучение истории и этнографии коренных народов Сибири за последние десятилетия.

На книгу Б. О. Долгих появился в печати и ряд других рецензий. Известный сибирский историк, ныне покойный В. И. Дулов в своей рецензии на монографию Б. О. Долгих, помещенную в журнале «Сибирские огни» (№ 11, 1961, стр. 189—191), отметил, что этот труд положил конец произвольным измышлениям о судьбах сибирских народностей. Отсутствие точных данных о численности населения Сибири к моменту прихода туда русских позволило отдельным историкам и публицистам в свое время говорить о якобы массовых истреблениях коренных жителей Сибири в процессе ее включения в состав России. Все это оказалось мифом. Карта расселения сибирских народов XVII в., составленная Б. О. Долгих, по мнению В. И. Дулова, навсегда войдет в картографию Сибири. Автор рецензии указал и на интересные выводы Б. О. Долгих по поводу сущности и характера социально-экономического строя у отдельных народов Сибири. В заключение В. И. Дулов пришел к следующему выводу: «Выход в свет книги Б. О. Долгих крупное событие в сибирской этнографической науке, и не только исследователь-ученый, но и всякий интересующийся прошлым родного края прочтет ее с интересом и пользой для себя».

Положительная рецензия на эту книгу Б. О. Долгих была помещена в английском журнале «Map». Доктор Т. Е. Амстронг отметил большое значение этой работы, огромный фактический материал, введенный автором в науку, и указал, что важный вывод работы заключается в том, что население Сибири в целом с середины XVII в. к концу XIX в. увеличилось примерно в четыре раза. В рецензии Т. Е. Амстронга сказано, что работа Б. О. Долгих открывает путь к новым исследованиям по истории и происхождению сибирских народов.

Однако в шестом номере журнала «История СССР» за 1962 г. на книгу «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» была помещена также рецензия П. Е. Терлецкого. Рецензент, настаивая на некоторых фактах истории отдельных сибирских народов более позднего времени, поставил под сомнение основные результаты работы — установленную Б. О. Долгих численность коренного населения Сибири в XVII веке и карту распространения этнических групп и расселения племен и родов населяющих ее народов.

Книга Б. О. Долгих базируется на документальных материалах XVII—XVIII вв. — книгах сбора ясака, сметных и пометных списках, приближающихся по своему характеру к статистическим данным, а также на донесениях, отписках и челобитных, в которых имеются упоминания о районах кочевок и местах обитания коренного населения, позволяющих определить ареалы расселения отдельных племен. Введение в научный оборот этих исторических источников и разработка особой методики их использования — большая заслуга Б. О. Долгих. Не отметив этого, рецензент представил, по существу, выводы Б. О. Долгих, как бездоказательные предположения.

Замечания П. Е. Терлецкого относятся почти исключительно к численности и расселению юкагиров, чукчей и эскимосов. Он утверждает, что юкагиры в XVII веке «не были оленеводами» (стр. 166), что «территория, освоенная юкагирами, обычно прилегает к рекам». П. Е. Терлецкий требует, чтобы для XVII столетия юкагиров на карте показывали только вдоль рек, а на остальных пространствах между этими реками наносились бы «прослойки тунгусского и ламутского населения». П. Е. Терлецкий возражает и против того, чтобы западную границу юкагиров в XVII веке показывать по Лене. Заметим, что ни одного документального свидетельства XVII века П. Е. Терлецкий не приводит. Не анализируются и даже не упоминаются соответствующие материалы, приведенные в книге Б. О. Долгих.

Согласиться с утверждением П. Е. Терлецкого о том, что юкагиры в XVII веке не были оленеводами, нельзя. По источникам XVII века все группы юкагиров имели в

своем составе оленеводов. Поэтому юкагиры кочевали не только в долинах рек, а также по водоразделам, по «камням». Не случайно многие группы юкагиров носили названия «каменных», т. е. горных юкагиров. Такими «каменными» юкагирами-олeneводами были яндинцы в верховьях Омолая, онойды в бассейне Яны, шоромба в бассейне Индигирки, ходынцы в бассейне Анадыря. Охотились на диких оленей в «камне» и колымские юкагиры. Другие группы юкагиров-олeneводоов, хоромои, олюбенцы, алазейцы, кочевали в тундрах у берегов морей. (Долгих, стр. 383, 386, 404; ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 21, л. 39 и др.).

В XVII веке среди юкагиров не были оленеводами лишь некоторые из яндинцев на Индигирке, некоторые колымские юкагиры и анулы на Анадыре. Но даже в группе яндинцев их глава Уянда вместе с некоторыми другими юкагирами имел в 1658 г. не менее 300 оленей (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 382, лл. 378, 381).

У алазейских юкагиров Мандитина рода, которых в 1647 году было 17 «юрт» (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 6, л. 17) и около 37 человек мужчин охотников (Долгих, стр. 407), оказалось, по одним данным 150, а по большинству других 300 оленьих санок «с мясом звериным (т. е. дикого оленя), да с рыбой и с постелями» и, кроме того, были санки, на которых ездили люди (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 6, л. 26; оп. 1, ст. 66, л. 108, 111). Чтобы перевозить 300 санок с грузом, да 37 мужчин и соответствующее количество женщин и детей, у этого юкагирского рода должно было быть не менее 400—500 оленей.

Мнение П. Е. Терлецкого, что юкагиры не были оленеводами, неверно и для конца XIX века, когда юкагиры начали описываться этнографами. В результате 250-летнего господства царизма утратили оленей верхнеколымские юкагиры и ассимилированные последними ламуты. А тундровые юкагиры, кочевавшие между Колымой и Индигиркой, остались оленеводами. В 1897 г. 66 семей этих тундровых юкагиров имели 1020 оленей¹.

Нельзя принять требование П. Е. Терлецкого не показывать западную границу юкагиров по Лене. Сами юкагиры еще в 1679 году указывали, что западным пределом их земли является Лена (Долгих, стр. 386). Десятник Елисей Буза в 1641 г. взял аманата юкагира «с Ленского хребта» и собирал ясак с юкагиров «на Лене реке ниже Молоды в Каменю» (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 30, лл. 2—3).

Нет у нас также никаких данных о том, что в первой половине XVII века на водоразделах между нижней Леной и Яной, Яной и Индигиркой, Индигиркой и Колымой, Колымой и Анадырем жили тунгусы.

Правда, одну группу западных юкагиров, кочевавшую по горам водораздела Лены и Омолая, так называемых яндинцев, служилые люди первое время называли «тунгусами». Так бывало и в других случаях, когда служилые люди не совсем правильно определяли этническую принадлежность коренного населения Сибири. Например, в XVII веке не различали чукчей и эскимосов; одним названием «остяки» объединяли хантов, селькупов, кетов и т. д. Но во всех дошедших до нас документах, за исключением только нескольких самых ранних, яндинцы в XVII веке называются юкагирами. Да и само название яндинцы происходит от юкагирского слова *янде*, что значит гусь (см. Долгих, стр. 388). Считались юкагирами и потомки яндинцев в 1897 г. — юкагиры Каменно-юкагирского рода.

П. Е. Терлецкий считает, что Б. О. Долгих не объяснил разрыв между чукчами так называемой Западной тундры (между Алазеей и Колымой) и основной массой чукчей. Обе эти группы чукчей были разделены юкагирами-омоками и юкагирами-чуванцами. О расселении первых в книге Б. О. Долгих говорится на стр. 422, а о расселении последних — на стр. 433—436. О переселении группы чукчей в Западную тундру говорится, по данным И. С. Вдовина, на стр. 403. Ни одного из приведенных здесь фактов и соображений П. Е. Терлецкий не касается.

П. Е. Терлецкий утверждает, что «Дежнев построил Анадырский острог с целью обложения чукчей ясаком» (стр. 167). Однако в течение всей второй половины XVII века в Анадырском зимовье платили ясак лишь юкагиры (ходынцы, анулы и чуванцы), а с 1699 г. также коряки, но не чукчи.

П. Е. Терлецкий обосновывает свое заключение о кочевании чукчей в XVII веке в районе Чаунской губы по данным 1850 г. миссионера Аргентова. Никто не сомневается, что в 1850 г. здесь кочевали чукчи. Но вопрос заключается в том, кто кочевал здесь в XVII веке. Само же название «Чаванский край», как и словарь языка чукчей, живших на «Чаване и Шелагском мысу», составленный Аргентовым, свидетельствуют о том, что здесь раньше обитали юкагиры-чуванцы, ибо «чаваны» это чукотское название чуванцев, а шелаги — колымское (вероятно, омокское) название тех же чуванцев. Что касается появления местных особенностей в говоре этих групп чукчей, отмечает-

¹ В. И. Иохельсон, Бродячие роды между Индигиркой и Колымой, «Живая старина», СПб., 1900; см. также статью «В гостях у юкагиров», «Этнографическое обозрение», 1914, № 1—2.

ных Аргентовым, то различные языковые процессы произошли у чукчей не только в районе Чаунской губы, но и к югу от Анадыря, куда чукчи заведомо переселились лишь в середине XVIII века. Поэтому положение П. Е. Терлецкого о том, что «территория Восточной тундры от Колымы до Чаунской губы и от Чаунской губы к мысу Якан, мысу Рыркапня и далее на восток к прилегающим к ней лесотундровым и отчасти лесным районам в XVII веке была территорией чукотского оленеводческого кочевого, а по побережью Чукотского моря — чукотского оседлого населения» (стр. 167), остается необоснованным.

Ничем не аргументировано также положение П. Е. Терлецкого, что юкагиры ходынцы и анаулы занимали в прошлом «узкую охотничью территорию по берегам реки Анадырь и некоторым его притокам» (стр. 167). Б. О. Долгих на стр. 412—413, 431—433 приводит много фактов о кочевках оленеводов ходынцев по хребтам бассейнов Анадыря, Колымы и Пенжины.

П. Е. Терлецкий не соглашается с положением Б. О. Долгих (стр. 168), что берега Чукотки в прошлом были заселены эскимосами, хотя в то же время не выражает своего отношения к материалам Мерка по этому вопросу, опубликованным И. С. Вдовиним и использованным Б. О. Долгих (стр. 551—552). П. Е. Терлецкий тут же производит расчеты прироста чукчей и эскимосов и находит их весьма различающимися. Но ведь дело в том, что чукчи росли, а эскимосы убывали в численности, потому что чукчи ассимилировали эскимосов, независимо от естественного прироста тех и других. Ассимиляция эскимосов оказалась настолько полной, что к XX веку все население побережья Чукотского моря и к востоку от Чаунской губы стало чукотским. Такие случаи полного поглощения одних народов другими хорошо известны этнографии, в частности, в Сибири. Таково поглощение и вытеснение энцев ненцами и селькупам в бассейне Таза и Турухана, ассимиляция затундринских крестьян долганами, эвенков на Оленеке и Анабаре и других мест якутами и т. д. Сам же П. Е. Терлецкий приводит свидетельство В. Г. Богораза о том, что в Уэлене еще в конце XIX века половина населения говорила по-эскимосски. Отметим, что Б. О. Долгих не пишет о превращении эскимосов в оленеводов, как утверждает П. Е. Терлецкий. Речь шла лишь об отдельных эскимосах, переходивших в тундру к чукчам (Долгих, стр. 557). Замечание о различии чукотского и эскимосского языков (стр. 169) представляет собой общеизвестный факт и никакого отношения к процессу ассимиляции эскимосов чукчами не имеет.

Автором рецензии поставлен вопрос, почему «чукчи и коряки, имеющие в основе своего хозяйства оленеводство, по существу один и тот же язык, одинаковые условия быта и т. п., так резко отличаются друг от друга по своей исторической судьбе» — чукчи имели за 250 лет прирост +0,84, коряки — 0,19. Ответ вполне ясен: достаточно обратиться к историческим судьбам этих народов, — коряки понесли тяжелые потери во время восстаний первой половины и середины XVIII века и от оспенных эпидемий, которые почти не затронули чукчей. С другой стороны, как указывалось выше, чукчам было поглощено большее количество эскимосов.

Установление этнического, а также родового и племенного состава населения отдельных районов земного шара в прошлом — задача трудная. Тут всегда возникает много частных проблем, которые приходится разрешать разными путями. Компетентная критика всегда может быть очень полезна. К сожалению, этого нельзя сказать о рецензии П. Е. Терлецкого, построенной на основе ретроспективного метода.

Обзор отзывов на книгу Б. О. Долгих показывает, что мнение П. Е. Терлецкого является единичным. Можно констатировать, что труд Б. О. Долгих является большим достижением исторической этнографии и содействует разработке этнографического изучения отдельных народов Сибири, их происхождения, вопросов присоединения Сибири к России и, наконец, теоретических проблем, связанных с особенностями родоплеменного строя народов Сибири.

В. А. Александров, И. С. Гураич